

Филип со спутниками ехал в карете к особняку, расположенному недалеко от торгового квартала.

«Вот мы и приехали, Филип. В этом особняке временно останавливаются члены иностранных королевских семей, когда приезжают в академию навестить своих детей или других родственников. Торговая Ассоциация обладает еще несколькими подобными зданиями».

Филип, сопровождаемый Лизриэль, с довольным выражением лица осматривал окрестности особняка – двухэтажного строения с более чем шестью комнатами, обставленными дорогой мебелью и иными украшениями.

«Значит, ты временно предоставишь это место нам?»

«В глубине души, я бы хотела просто подарить его тебе, но, к сожалению, это не представляется возможным».

Филип понимающе кивнул: «Ну, полагаю, это вполне логично. Все остальное уже готово?»

«Конечно, мы наняли дворецкого, горничных, повара и садовника. Остальной персонал наймет дворецкий. Филип, можешь просто расслабиться и наслаждаться своим пребыванием здесь».

“Похоже, у неё нет никаких сомнений”, - отношения с Лизриэль складывались даже более благоприятным образом, чем предполагал Филип.

Он размышлял о том, не сомневается ли девушка в подлинности «Золотой Печати Йозефа», но, похоже, существовал способ её проверить.

«Эм, мне нужно в уборную. Где я могу её найти?» - Луа, тихо стоявшая в стороне, вдруг заговорила. Фелиция, будучи дворянкой, была ошеломлена прямотой Луа: «Ты не должна так говорить. Ты девушка, а вокруг одни мужчины».

«?..» - Луа склонила голову, не понимая, в чем дело.

Фелиция потерла лоб – ей было известно, в каких условиях выросла Луа.

«Уборная находится в конце коридора», - ответила Лизриэль.

«Спасибо. Я скоро вернусь», - Фелиция отправилась в уборную вместе с Луа.

"...Хотя это я её позвал, почему она все-таки пошла с нами?" - Филип склонил голову, не понимая причины присутствия Фелиции.

Когда они остались в приемной одни, Филип решил задать вопрос: «Когда ты планируешь раскрыть наличие «Золотой Печати»?»

Услышав вопрос Филипа, Лизриэль слегка рассмеялась и щелкнула пальцами: «У меня есть некоторые идеи по этому поводу. Но, честно говоря, я все еще не могу во все это поверить. Эта печать – мощнейшее оружие в моем арсенале».

«Ты правда мне доверяешь?»

В ответ Лизриэль слегка вздохнула: «...Раз ты об этом спрашиваешь, то явно не собираешься меня обманывать. Обычно люди делают это по какой-то причине. Особенно, в тех случаях, когда обманывают того, кто способен их уничтожить – здесь должна быть особая причина, не находишь?»

«Возможно».

«Но ты не ставил мне никаких условий. Ты прекрасно понимаешь, что можешь получить от меня. Большинство людей, так поступающих – либо отъявленные мошенники, либо те, кому осталось жить недолго. Но ты не подходишь ни под одну из этих категорий, а потому мне легче тебе доверять».

«...Но я все равно могу оказаться мошенником».

«Ну, в любом случае у меня нет иных вариантов. Если я продолжу бороться за наследство, шансов на победу у меня не будет. В каком-то смысле, Филип, ты игральная карта из моей колоды. Так что не волнуйся понапрасну. Покуда ты меня не предашь, я буду стараться заслужить твое расположение, как только могу».

В ответ Филип кивнул.

Лизриэль Йозеф была торговцем исключительного уровня, а потому столь необычная доверчивость казалась неестественной. Он хотел знать причину этого, и если она заключалась именно в этом, то звучала она логично.

“Я загнана в угол. Дело не в том, что у меня есть причины доверять, а в том, что я хочу доверять”.

Изначально, если Лизриэль не попадала в группу главного героя, её ждала довольно жестокая судьба. Теперь, конечно, все было иначе.

«О, вот и они».

Фелиция и Луа, спускавшиеся вниз за «цветочками», вернулись, держась за руки.

“Женщины быстро сближаются”.

Филип, подойдя к Луа, спросил: «Луа, тебе здесь нравится?»

«Хм? Мм, мне кажется, что это очень хороший дом», - ответила Луа без особых колебаний.

Она впервые видела такой большой дом. Он казался раз в десять больше, чем дом старосты горной деревни.

«Я рад. Отныне этот дом будет твоим, так что тебе он должен понравиться», - кивнул Филип головой.

«...Правда? Но почему я?» - удивленно расширила глаза Луа.

«Ну, с этого момента я планирую взять тебя под свое покровительство, а потому не хочу, чтобы ты жила в общежитии».

Услышав слово «покровительство», Луа моргнула.

«Покровительство... что это значит?» - она слышала это слово на церемонии поступления, но не очень понимала его значение.

«Если говорить простым и понятным языком, то это значит, что я буду опекать тебя, то есть буду отвечать за то, что ты ешь, что носишь, где живешь и спишь».

«И... почему?» - Луа была невинна, но не глупа.

Филип понимал, что необходимо её убедить.

“Что же мне сказать?”

Филип, занятый обдумыванием ситуации, кивнул, а затем, мягко улыбнувшись, ответил: «Просто потому, что я так хочу. А что? Это проблема?»

Луа посмотрела на него с озадаченным выражением лица. Она не то чтобы была против, просто была удивлена столь неожиданным проявлением доброты.

“Почему он так хорошо ко мне относится? Если бы я только могла спросить его, как некогда

спрашивала дядю”.

За её недолгую жизнь, безусловная доброта была тем, на что она могла рассчитывать только со стороны дяди и Луэна. Жители нижнего города сторонились её с Луэном, поскольку ребята росли без родителей, а другие дети отказывались с ней играть

Хотя иногда мальчишки-подростки пытались произвести на неё впечатление, одаривая подарками, их скрытые мотивы были для Луа очевидны.

Что касается Филипа – понять его она не могла.

“Я настолько жалкая?” – задавалась она вопросом.

Она вспомнила выражение лица Филипа, когда он выводил её из общежития. Его взгляд был полон сочувствия и сострадания с оттенком чувства вины, а прикосновения были нежны, словно обращался с хрупким стеклом.

“Не знаю. Но не то, чтобы мне это не нравится”, – подумала она.

Она не испытывала какой-то внутренней неприязни, её просто удивляла это неожиданная забота. Однако возвращаться в общежитие ей не хотелось.

После насильственной разлуки с Луэном, ей пришлось несколько дней терпеть равнодушное отношение со стороны окружающих. Хотя соседки по комнате были добры, они с трудом переносили непривычные звуки плача. Их доброта и внимание, продиктованные скорее чувством долга, нежели искренней заботой, лишь усугубляли ситуацию.

“Тебе нужна помощь? Я могу что-нибудь для тебя сделать?”

“Хотя я понимаю, что тебе грустно...”

Тепловатое равнодушие окружающих не приносило ей утешения. На самом деле, она бы предпочла холодное безразличие несерьезным попыткам проявления доброты.

“Я тоже не хотела бы плакать”, – Луа решительно кивнула: «Я... я не против».

Филип протянул руку и нежно провел пальцами по каштановым волосам Луа: «Ты сделала правильный выбор».

В то же время, Фелиция, наблюдавшая за происходящим, была сильно взволнована и тревожно покусывала ногти: “Стоит ли мне вмешаться? Должна я ли что-то сделать? Нужно ли

попытаться это остановить?” – на первый взгляд это был душевный и живописный момент, похожий на сцену из сказки. Однако тот факт, что главным героем была её студентка и Филип, существенно усложнял ситуацию.

“Неужели он действительно изменился?” – размышляла Фелиция. Она хорошо знала о жестоком и эгоистичном характере Филипа. Хотя его злость не коснулась её напрямую, было очевидно, что его темперамент было нелегко унять.

Если бы Филип был таким же, как прежде, Фелиция немедленно бы вмешалась и воспрепятствовала бы его действиям. Однако её младший брат, казавшийся потерянным уже много лет, сильно изменился.

Еще вчера, когда Фелиция узнала от Дианы Фаренхолл, что Филип поссорился с инструктором Хэроном и другими старшими преподавателями, она была ошеломлена.

«Что ты сказала? Ссора? Филип?»

«Да. Слышала, что у него была стычка с инструктором Хэроном и несколькими старшими преподавателями».

«Он... он не обнажил клинок? Что случилось с инструктором Хэроном?»

«Фелиция, это была всего лишь небольшая перепалка. Кажется, инструктор Хэрона первым перешел черту».

«Что? Перепалка? В это трудно поверить».

Филип был не тем, кто в спорах использует свой язык, он больше любил пускать в ход кулаки и клинок.

С её точки зрения обычная перепалка не представляла собой ничего серьезного. Она даже не подумала о том, что Филип мог быть виноват, и дала понять это инструкторам, предупредив их, чтобы они не провоцировали Филипа, походящего на бомбу замедленного действия.

Если он станет источником каких-либо проблем, Фелиция возьмёт ответственность на себя и разберется сама, поэтому остальным было рекомендовано просто избегать его.

И эти четкие инструкции нарушил инструктор Хэрон.

«Эй, мы можем поговорить?»

«Хм? А что?»

Фелиция, взяв Филипа за запястье, отвела его в гостиную. Наблюдая за ними, Лизриэль тепло улыбнулась Луа.

«Здравствуй».

«Здравствуйте», - Луа вежливо склонила голову.

Лизриэль, казалось, была довольна её скромным жестом и игриво улыбнулась: «Ты когда-нибудь задумывалась о том, что будет, если заморозить сладкий крем с помощью магии?»

Искра симпатии вспыхнула мгновенно.

—

«Значит, ты поссорился с инструктором Хэроном», - заговорила Фелиция, ведя Филипа на террасу второго этажа.

Филип был ошеломлен. Но, поразмыслив, понял, что удивительного в этих словах ничего не было. Учитывая, что тогда инструктор Хэрон чуть было не обнажил клинок, было бы странно, если бы Фелиция ничего об этом не знала.

«Ах, да. Я не хотел этого... прости».

Фелиция, не поверив извинениям Филипа, издала глухой смешок: «Почему ты извиняешься? Я слышала, что инструктор Хэрон первым переступил черту».

«В той ситуации я бы мог быть и посдержаннее».

«Ты? Посдержаннее?»

«...Разве это так странно?»

«Нет, ты молодец... просто, я имела в виду...»

Филип уставился на Фелицию, прервавшуюся на полуслове.

“У неё начался переходный возраст?”

«Ничего, если мы вернемся к тому, чем занимались, если речь не пойдет о чем-то важном? У меня сейчас много дел и мне нужно сделать немало покупок».

Глаза Фелиции сузились, и она резко повернула голову.

«...Делай, что хочешь».

Филип на мгновение замешкался, поскольку ему показалось, что девушка расстроена, но так как она, кажется, не собиралась ничего говорить, он решил вернуться в кабинет.

И тут Филип услышал спокойный голос Фелиции позади.

«Филип Освальд. Почему? Почему ты хочешь взять под свою опеку этого ребенка?»

Филип моргнул. Он не мог рассказать ей правду о том, что маленькая девочка пробудится потомком легендарного героя примерно через пять лет.

«Похоже, она нуждалась в помощи взрослого. Если бы ты видела, как Луа плачет в кровати, ты бы не задавала мне этот вопрос».

Фелиция сочла его доводы убедительными, поскольку видела, как Луа, обессилив от плача, уснула.

«Впрочем, это не важно, делай, что хочешь», - она не могла найти никаких причин мешать Филипу.

Было бы слишком глупо лишать Луа удачи, едва повернувшейся к ней после всего пережитого.

«...Если ты решил кого-то поддерживать, то должен нести ответственность за него до конца. Взять под свое крыло этого ребенка - это довольно... хорошее решение с твоей стороны. Но это не значит, что я думаю, что ты изменился».

Фелиция говорила, сбиваясь - она чувствовала себя очень неловко, потому что не думала, что снова будет так разговаривать со своим игнорируемым и вызывающим возмущение младшим братом.

«Ладно, я пойду куплю одежды для Луа. Ты тоже пойдешь, сестрица?»

«Что?»

«Скоро выходные, поэтому нужен наряд для выхода в свет. Еще ей нужен приличный

тренировочный меч, да и карманные деньги, не так ли? А, и нам нужно что-то сделать с её грязными волосами».

Казалось, что беспокоиться особо было не о чем.

Когда-то давно Филипу в голову пришла интересная идея - несбыточная мечта о свободной трате средств с безлимитной кредитной карты - часто встречающаяся, но практически неосуществимая возможность для человека скромного происхождения.

“Это - удовольствие безответственности”.

<http://tl.rulate.ru/book/95422/3289588>